

УДК 94(470+571):378(08):63(091)

Российские регионы: исторический опыт аграрного развития: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 60-летию ДальГАУ (Благовещенск, 18 – 19 мая 2010 года). – Благовещенск: ДальГАУ, 2010. – 323 с.

В сборник вошли материалы докладов и выступлений участников международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию образования Дальневосточного государственного аграрного университета. Содержание статей отражает широкий спектр проблем аграрного развития регионов, входивших в состав Российского государства в XIX - XXI вв.

Авторы публикаций стремятся актуализировать опыт российской региональной аграрной истории в контексте современных историографических подходов и вызовов времени. Часть материалов посвящена истории становления и современным проблемам аграрной науки и образования. Материалы сборника представляют интерес для преподавателей, аспирантов, студентов, и всех интересующихся аграрной историей.

Редакционная коллегия:

Дурнев А.Я. (отв. редактор),
Мерекина Е.В.,
Корякина Е.В.,
Картешкина О.Л.,
Стасюкевич С.М.

ISBN 978-5-9642-0131-1

Издательство ДальГАУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Малиновский Ю.В., Кушнарв Е.Н. К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДЕЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ В XIX в.	3
Иванченкова О.В. СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ	12
Кузнецова Л.А. СЕЛЬСКАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ РОССИИ И КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	19
Пушкарев В.А. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В СРЕДЕ АМУРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В 1917 ГОДУ	26
Елизова Е.В. К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.	31
Шиндялова И.П. ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ХОДЕ АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.....	36
Галлямова Л.И. УЧАСТИЕ АМУРСКОГО И УССУРИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	43
Коваленко А.И. АГРОНОМИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И ПЛЕМЕННАЯ РАБОТА В КАЗАЧЬИХ ВОЙСКАХ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	54
Худолеева Н.Н. АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ (начало XX в.).....	60
Бибик Е.Е. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН-КРЕСТЬЯНОК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	64
Кажанова Т.М. АМУРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА	68
Барбенко Я.А. РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПРИМОРСКУЮ ОБЛАСТЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	74
Мурьгина Е.А. К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	79
Никитина И.В. ОПЫТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ О.САХАЛИН ССЫЛЬНОКАТОРЖНЫМИ И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦАМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	86
Ефимов М.М. ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ЯПОНИИ В ХОДЕ РЕСТАВРАЦИИ МЭЙДЗИ	92
Макитрюк Е.В. МЕРОПРИЯТИЯ ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПЕРЕВОДУ ОРОЧОН МАНЬЧЖУРИИ НА ОСЕДЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	102

УДК 94(571.63)«1850/1917»:316.343.64

Барбенко Я.А.

**РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
КРЕСТЬЯН В ПРИМОРСКУЮ ОБЛАСТЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.¹**

Отличительные черты Приамурья определяли особенности колониционной политики, в частности политики расселения крестьянства. В статье акцентируется внимание на специфике колонизации Приморья как приграничной территории.

Barbenko J.A.

**DEVELOPMENT OF PRINCIPLES OF THE PEASANTS'
RESETTLEMENT POLICY IN PRIMORJE REGION
IN THE SECOND HALF OF THE XIXth -
THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES**

The special characteristics of Priamurje were reflected on the features of colonization policy, in particular on the peasants' resettlement policy. The spot of the article is the specific of colonization policy in Primorje as in borderland.

Черты, свойственные Приамурью как объекту колонизации, придают ему заметную специфику относительно иных окраин Российской империи. Соответственно, набор средств для управления развитием этого региона также должен быть особенным, «дальневосточным». Рассмотрим ситуацию на примере управления крестьянской колонизации.

Переселенческая политика правительства в XIX в., имея противоречивый характер, в целом была запретительной, поскольку интересы колонизации окраин вступали в конфликт с интересами господствующего в стране дворянства. Вместе с тем, колонизация Приамурья, а значит и переселение сюда людей, имела не столько социально-экономический, сколько военно-стратегический характер, что сказывается и в особом колониционном курсе правитель-

¹ Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы», проект №2.1.3/6074.

ства. В отношении Дальнего Востока интересы государства были выше интересов сословий, а значит переселенческий вопрос решался особым образом¹.

Первый проект закона о переселении в Приамурье относится к концу 50-х годов и принадлежит генерал-губернатору Муравьеву. Суть проекта заключается в дозволении свободного переселения на Амур всех желающих и в использовании ряда льгот, призванных стимулировать приток населения². Отклонив этот проект, правительство установило возможность переселения только для лично свободных, сузив таким образом кадровую базу переселения. Крестьянское переселение признано было осуществлять за счёт государства, что, учитывая неблагоприятную финансовую ситуацию страны рубежа 50 – 60-х годов, также ограничивало возможности переселения.

Либеральное время 60-х годов несет желающим свободное за свой счет переселение в Приамурье. Законом 26 марта и указом Сената 27 апреля 1861 года вводятся новые правила, дающие переселенцам разнообразные льготы, основная из которых – право на пользование 100-десятинным семейным наделом³. Свободное переселение и значительный семейный надел – эти институты являются специфическими для Дальнего Востока на протяжении всего изучаемого периода, они остаются в силе до конца столетия. Дальнейшие изменения в области переселенческой политики в Приамурье связаны с корректировкой льгот и пособий для переселенцев⁴, а также условиями переезда на Дальний Восток. Самым значимым в этом ряду является закон 1 июня 1882 года о казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край. В соответствии с ним государство брало на себя оплату проезда и затраты на первоначальное обзаведение переселенцев в местах водворения⁵. В связи с необходимостью приёма и сопровождения дотоле невиданного количества переселенцев создаётся Южно-Уссурийское переселенческое управление, аналогов которому в стране не существовало⁶.

В самом конце XIX в. над крестьянами планируется новая структура, сопоставимая по многим своим функциям с переселенческим управлением: крестьянский начальник. «Карта Южно-Уссурийского и Хабаровского округов и территории Уссурийского Казачьего войска», составленная чинами Уссурийской партии в 1901 году, только в Южно-Уссурийском округе рисует шесть уча-

стков крестьянских начальников⁷, всего же в Приморской области их было одиннадцать: Посыетский, Сучанский, Суйфунский, Ханкайский, Верхне-Уссурийский, Черниговский, Средне-Уссурийский, Хабаровский, Нижне-Тамбовский, Удский⁸; в Амурской области – четыре. Институт крестьянских начальников возник в Сибири, законодательно оформлен «Временным положением о крестьянских начальниках» от 2 июня 1898 г., в 1902 г. был введён в Приамурском генерал-губернаторстве⁹.

Крестьянский начальник на востоке России по своим функциям и статусу был близок земскому начальнику европейских губерний страны. Крестьянский начальник – ближайшая к крестьянину административная инстанция – подчинялся непосредственно областному правлению¹⁰. К сфере ответственности начальника можно отнести все аспекты крестьянской жизни, начиная от размещения населения и заканчивая наблюдением за общественным порядком¹¹. При этом можно отметить следующую тенденцию: в целях последовательного охвата всех сторон крестьянского быта крестьянские начальники стремились к перераспределению функций с другими ведомствами, круг ответственности которых включал и крестьян. Так, начальник Верхне-Уссурийского участка стремился подчинить себе народных учителей с целью установления большего контроля над ними¹². Кроме того можно указать на изначально не свойственную крестьянскому начальнику полицейскую функцию надзора за порядком и за вновь прибывающими лицами, которая, надо полагать, оказалась в его руках в ходе Первой Русской революции (1905 – 1907 гг.)¹³.

Система организации переселения в начале XX века опирается на переселенческие законы 1904 и 1906 гг. Эти нормы внесли либеральное, экономическое начало в дело переселения. Русско-японская война прервала переселенческий процесс, однако с её окончанием колонизация Приамурья возобновляется с новой силой: «политика правительства в переселенческом деле в 1906 – 1910 гг. была направлена на увеличение переселения во все возрастающих размерах – в этом нет сомнения»¹⁴. Среди мер новой колонизационной политики можно отметить свободу пользования переселенческими льготами легальным переселенцам; институт ходачества, что придавало переселению отдельных семей целенаправленный характер; льготный переселенческий тариф на проезд до места на-

значения по железной дороге; предварительная разведка и заготовка переселенческих участков¹⁵.

Оценивая переселенческую политику России на Дальнем Востоке во второй половине XIX века, следует указать на несколько её аспектов.

Во-первых, *новаторский характер многих мер* (свобода переселения, большой земельный надел, ссуды, перевозка на дальние расстояния за госсчёт, Южно-Уссурийское Переселенческое управление). Связано это главным образом со специфическими условиями колонизации, главное из которых – удалённость осваиваемых территорий от центра страны, а значит их уязвимость и требовательность. Государство в отношении Приамурья вынуждено было отказаться от последовательно консервативной переселенческой политики, чтобы сохранить эту землю за собой.

Во-вторых, хорошо прослеживаемая *связь переселенческой политики в Приамурье со внешнеполитической обстановкой*. Бюджетные ассигнования на переселения конца 50-х и начала 80-х годов связаны в первом случае со второй опиумной войной, а значит с существенной военной угрозой Приамурью от недавних врагов – англичан и французов¹⁶, во втором случае – военная опасность от самого Китая на рубеже 70 – 80-х годов в связи со спором на западном, центрально-азиатском, участке русско-китайской границы¹⁷. Выявленные черты переселенческой политики России в Приамурье подтверждают известный тезис о военно-стратегических мотивах русской колонизации юга Дальнего Востока.

В-третьих, *постепенно нарастающая тенденция к унификации мер переселенческой политики* – отказ от стодесятинных семейных наделов, начало межевания переселенческих участков, учреждение института крестьянских начальников, отказ от морской доставки переселенцев на Восток на рубеже XX века.

В-четвертых, *использование Приамурья в качестве средства решения внутренних, в первую очередь социальных, проблем России* – с начала XX века, когда переселение на Дальний Восток перестаёт быть технической проблемой, власть сознательно направляет сюда жителей аграрно перенаселённых районов для снижения на местах выхода социальной напряжённости; так, по словам наблюдателей, «переселение и колонизация ... переплелись между собой»¹⁸.

Две последние из выявленных черт позволяют указать на то, что по мере развития окраины, по мере совершенствования системы коммуникаций, а значит – по мере постепенного включения Приамурья в жизнь страны, исключительные меры колонизации сменяются так сказать штатными, нормальными для всей страны.

Итак, институализация переселения развивается следующим образом: новационные институты со временем уступают место традиционным. Конфликт концепций и институтов переселения 50-х гг., закончившийся победой традиции, в эпоху либеральных реформ уступил место новациям, которые оказались эффективным средством решения проблем переселения. На протяжении второй половины XIX века Приамурье, и особенно Южно-Уссурийский край, были самым оригинальным переселенческим регионом: свободное переселение, гигантский семейный надел, казённый переезд, переселенческое управление – эти институты придавали Приамурью неповторимый облик. С 1901 г. «традиционные» для России институты – душевой надел, крестьянский (читай – земский) начальник, переселенческие участки и т. д. ставят Приамурье в один ряд с другими переселенческими районами страны.

- 1 Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб.: издание журнала «Общественная польза», 1905. С. 19 – 20.
- 2 Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. – Владивосток: ДВО РАН, 2006. – 312 с. С. 18.
- 3 Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России. 1855 – 1917. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с. С. 42 – 43.
- 4 Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с. С. 39.
- 5 Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 49.
- 6 Кауфман А. А. Указ. соч. С. 40.
- 7 Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева. МПК-2630.
- 8 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 71 об. – 71а.
- 9 Яргаев М. Х. Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке (1901 – 1917 гг.). // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – №2. – С. 107.
- 10 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 68, 71.
- 11 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 1, 2.
- 12 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 67 об. – 68 об.
- 13 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 71.
- 14 Тюкавкин В. Г. Указ. соч. С. 226.
- 15 Кауфман А. А. Указ. соч. С. 128 – 157; Приамурье. Цифры. Факты. Наблюдения. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 год / Предисл. Г. Львова. – М.: б. и., 1909. С. 146.
- 16 Болгурцев Б. Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860 – 1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 136. С. 12.
- 17 Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. / Л. А. Нарочницкий и др. – М.: Мысль, 1973. – 324 с. С. 141 – 142.
- 18 Приамурье. Цифры. Факты. Наблюдения. С. 142.